

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета о диссертации Чжао Сыминь «Концептуальное поле “прямота / лукавство” в русском провербиальном пространстве: лингвокогнитивный аспект», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Актуальное сегодня лингвокультурологическое направление в науке открыло перспективы изложения результатов пристального внимания, уделяемого мыслительной деятельности носителей языка и культуры. Она проявляется на разных языковых уровнях и особенно ярко – в устойчивых единицах языка как клишированных, закреплённых традицией слитках народного мировоззрения, фиксирующих осмысленные говорящими наблюдения за окружающим миром. Человек, поставленный в паремике во главу угла, показан в паремиях и оценивается в них с разных сторон, но как член социума – в первую очередь со стороны своих отношений с другими людьми. Поэтому такие особенности поведения человека, как рассматриваемые Чжао Сыминь проявления лицемерия, хитрости, двуличия и т.д. весьма важны (и это подтверждается значительным количеством единиц, их вербализующих), так как показывают, каковы нормы поведения и система ценностей в том или ином сообществе, что поощряется или порицается, каковы прагматические соображения, которыми могут руководствоваться носители языка.

Обсуждаемое исследование отмечено несомненной **новизной** как реализующее полевой подход к паремиологическому материалу, позволяющий структурировать концептуальное поле, образованное несколькими концептами и совокупностью их признаков, и взглянуть при этом на фрагмент провербиального пространства под несколькими углами зрения: учесть разнообразие семантических связей между пословицами,

РК № 33-06-548 от 12.05.2023

проанализировать их внутреннюю форму и семантику, обратив отдельное внимание на способы вербализации паремийных идей – метонимию, метафору, сравнение, использование зооморфизмов.

Логика построения диссертационного исследования производит исключительно положительное впечатление – терминологической выверенностью, детальностью даваемых пояснений, не оставляющих сомнений в понимании таких терминов, как *пословичный концепт*, *когнитивные признаки*, *содержание концепта* и *структура концепта* и др. О том, что работа глубоко продумана и выношена, говорят высказанные ее автором позиции относительно ряда важных вопросов. Мы имеем в виду понимание концепта и его трактовку – в отношении этого предмета имеются прямо противоположные мнения (в частности, об обязательности или необязательности его национальной маркированности). Импонирует и то, как диссертант отстаивает свое право на выделение в проverbsиальном пространстве пословичного концепта и отдельного концептуального поля (с. 25, 43), а не только лишь паремиологической зоны, и приводит при этом убедительные аргументы. Четко прописаны мотивация и последовательность шагов, которые осуществляются в рамках данного исследования. Особенно важной нам представляется аргументация необходимости изучения паремий как единиц, отражающие актуальную по сей день систему ценностей этноса, несмотря на «хронологическую отдаленность» пословиц (с. 17).

Представляется очень правильным, что диссертант, будучи инофоном, не полагается при выявлении значения пословицы только на собственную интуицию, хотя и пишет о ней как о возможном инструменте, а обращается к анкетированию носителей языка. Весьма показательны сведения суммирующего характера, приведенные в виде диаграмм в подразделе 2.3.4 – о результатах верификации соответствия пословичных концептов представлениям, характеризующим современное русское языковое сознание. Это замечательный ход – проиллюстрировать, меняется ли отношение говорящих к тем чертам природы, которые ранее вызывали неприятие, способно

ли ранее порицаемое обрести у современников позитивную оценку. Этот прием оказался перспективным как показывающий влияние возрастного показателя на смену ценностных приоритетов (мы имеем в виду повышение оценки концепта «Хитрость»).

Чжао Сыминь взяла на себя трудную задачу разграничения концептов «Лицемерие» и «Двуличие», что объективно совсем непросто даже носителю языка и культуры, поэтому неудивительно, что ею отмечены «пересечение и семантический синкретизм концептов Хитрость, Лицемерие, Лесть и Двуличие», а также пересечения и смешение в ответах респондентов при проведении опросов. Этому способствует и семантическая многоплановость паремий, так как характеризуемая модель поведения человека может рассматриваться говорящими с разных позиций. Так, отмечаемая диссертантом связь между выражением *Сладко поет, инно заслушаешься* и концептом «Лицемерие» нисколько не мешает и восприятию «сладкого пения» как метафоры лести (вспомним «Ворону и лисицу» И.А. Крылова).

Исследование многоаспектно, в нем продемонстрировано несколько разных подходов к материалу: это и показ средств организации концептов – концептуальных метафор и сравнений, зоонимных образов, прямых номинаций концептов; и последовательное выявление когнитивных признаков концептов, отражающих отношение к явлениям, сопрягаемым с этими концептами, и фреймовый анализ на основе привлеченных контекстов Национального корпуса, что позволяет увидеть возможные версии прочтения языковой единицы и трактовки означенной ею ситуации; и горизонтальное и вертикальное строение концептуального поля. И всякий раз от диссертанта требовалось как освоение иного взгляда на материал, так и овладение иными приемами и формами анализа паремиологических единиц, с чем Чжао Сыминь успешно справляется. Хотя ход мысли автора при изложении отдельных интересных выводов не всегда очевиден. Например, диссертант называет концепты, не входящие в рассматриваемое поле, но пересекающиеся с его концептами. Но не вполне понятно (с. 142), почему концепт «Ум» соседствует

только с хитростью, но не с простотой, которая также может восприниматься как отсутствие дальновидности и ума.

В заслугу диссертанту следует поставить комментарии, которыми сопровождаются ироничные пословичные единицы, где «отмечается изменение позиции наблюдателя» (*Милости прошу к нашему грошу со своим пятакон; Полно, друг, молоть, отдохни да потолоки* и др.), амбивалентность отношения человека к проявлениям лести (*Сладко в рот, да горько вглот*), мотивы поведения лицемера и двуличного человека, особенности использования зооморфных образов – в частности, паремийного бинорма «лиса – волк» (*В глазах – как лисица, а за глазами – как волк; Глядит лисой, а пахнет волком*). В этом проявляется вдумчивое отношение Чжао Сыминь к материалу и внимание к особенностям русской паремии как особым культуросносным единицам.

Как и всякая внушительная работа, диссертационное исследование Чжао Сыминь не могло не вызвать некоторых сомнений.

1. Мне показалось недостаточным лишь в трех строках (стр. 67) указать на то, насколько ученые уже проявили интерес к тем концептам, которые поставлены во главу угла в данной работе. Достойны все же внимания статьи и диссертация Л.В. Савицкой о концепте «Хитрость», и диссертация Е.С. Бульбенко об объективации концептов «коварство» и «хитрость» в художественной коммуникации (Волгоград, 2013), а также работы сопоставительного плана – Ю.С. Вильдяевой и Е.В. Дзюба – о концепте «Хитрость» в русской и французской языковой картине мира и др.

2. Позволю себе усомниться и в следующей трактовке: «Только одна пословица о лукавстве имеет положительную оценку: *Всюду захож — как медный грош* (о человеке, которому все рады)». Словарь «Пословицы русского народа» приводит иной комментарий: «К кому ни попал в руки, все свой», что позволяет усмотреть в этой ПЕ иной смысл: умение везде втереться в доверие – это предполагает и хитрость, и оборотистость – и у меня нет уверенности в позитивной оценке.

Позволим себе задать и несколько вопросов.

1. Где пролегает граница между паремиями и поговорками? Меня смущают такие обороты, как *лисой пройти, не промах* (поскольку этим оборотом можно охарактеризовать не только парня), *забегать зайцем вперед* и др.?

2. Как учитывается при рассмотрении концепта «Прямота» с ним, несомненно, пересекающийся концепт «Ложь»? И если не учитывается, то почему?

3. Каков ваш ход мыслей при квалификации паремии *Ему бы только рыло свиное, так от него бы и сморчок под землей не ушел* как вербализующей признак концепта «Хитрость»? (стр. 168, Приложение)? Не исключаются и трактовка предприимчивого и жадного. Или ПЕ *Смалчивай, невестка, сарафан куплю* как вербализующей концепт «Лицемерие»?

4. Хотелось бы получить пояснения относительно следующего высказывания: (с. 40) «Компоненты концептуального поля, с одной стороны, могут быть объединены не только семантическими, но и ассоциативными и другими типами связей; а с другой, вербализуют когнитивные признаки соответствующих концептов *вместо значений языковых единиц, не подвергнутых когнитивной интерпретации*». Что имеется в виду?

Высказанные нами замечания и пожелания не меняют существа работы и не влияют на высокую оценку ее качества. Исследование имеет высокую теоретическую и практическую значимость. Особо подчеркнем, что использованный автором подход к сопоставлению хронологическим разноплановых срезов – паремийного и современного может быть весьма эффективно применен для наблюдения за динамикой языкового сознания носителей определенной культуры.

В целом напрашивается вывод о том, что диссертационное исследование Чжао Сыминь на тему «Концептуальное поле “прямота / лукавство” в русском проverbsиальном пространстве: лингвокогнитивный аспект», соответствует

основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а соискатель Чжао Сыминь заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка для
гуманитарных и естественных факультетов
Санкт-Петербургского государственного
университета

Е.И. Селиверстова

11.05.2023